

ЭТАП 1: ДИАГНОСТИКА (ДИАМП + ДАТ)

Тип сцены: Смешанный (социальное взаимодействие, системное уведомление, психологическое напряжение, тайна).

Проблемные зоны:

1. Анатомические буквализмы: «глаза сузились», «зрачки сузились», «бросил взгляд».
2. Диалоговые формулы: «позвольте спросить», «как это назвать».
3. Синтаксис: В оригинале много коротких, рубленых предложений, требующих объединения для плавности.
4. Терминология: Соблюдение глоссария (Чжао Минчэн, Мо Си, Чэнь Яньцин, Цю Ваньгэ).

ЭТАП 2-5: ТРАНСФОРМАЦИЯ И НАТУРАЛИЗАЦИЯ

Глава 32. Женщина!

— Верховный старейшина прав, я проявил непростительную глупость, — Чжао Минчэн, проживший не одну сотню лет, соображал быстро и тут же поспешил согласиться, покорно кивнув.

Мо Си остался доволен:

— Впредь старайся не совершать подобных безрассудств.

Затем он строго взглянул на Чжан Вэньху:

— Это было в последний раз.

Даже самый непроходимый глупец на месте Чжан Вэньху понял бы, что его тайные козни раскрыты. Обливаясь холодным потом, он стоял, низко опустив голову и не смея проронить ни слова.

— Когда вернётесь из Долины Долгих Грёз, отправишься на задний склон Пика Даньхуа. Месяц под арестом, — распорядился Мо Си.

— Слушаюсь, всё исполню! — поспешно затараторил Чжан Вэньху.

Возможность попасть в Долину была столь щедрым даром, что он с радостью согласился бы и на три месяца заточения, лишь бы его не лишали этой милости.

Видя, что Верховный старейшина не намерен развивать тему, Чжао Минчэн с облегчением выдохнул. Быстро найдя предлог, он поспешил откланяться, увлекая за собой ученика. Старейшина Мо всегда отличался непредсказуемым нравом, и лишний раз испытывать судьбу в его присутствии ему не хотелось.

По приказу учителя Нин Цзэ вызвался проводить гостей. Оказавшись за пределами бокового зала, Чжао Минчэн, всё ещё пребывая в некотором смятении, приглушил голос:

— Нин...

Он замялся, внезапно осознав, что не знает, как теперь обращаться к мальчику. По правилам секты Нин Цзэ — всего лишь ученик внешнего круга, а значит, на поколение младше. Однако Мо Си, как Верховный старейшина, стоял выше самого Чжао, и тот, будучи его прямым учеником, формально становился старейшине равней.

Нин Цзэ, заметив его заминку, спросил сам:

— У старейшины Чжао остались какие-то вопросы?

— Да, вот, возьми, — спохватился Чжао Минчэн, извлекая мешочек для хранения. — На днях проводил опись и обнаружил излишки материалов. Как раз то, что тебе требовалось. Мне они без надобности, так что забирай.

При обмене Пилюли Основания старейшина понимал, что сильно недоплатил. Узнав же, чьим учеником является мальчик, он тут же решил восполнить разницу в камнях. Но давать кристаллы напрямую было неудобно — Нин Цзэ мог отказаться, — поэтому Чжао придумал этот благовидный предлог. На самом деле в мешочке лежали довольно редкие и ценные ингредиенты, чья стоимость значительно превышала запрос Нин Цзэ. Впрочем, Чжао Минчэн об этом не жалел: он слишком остро чувствовал свою вину и понимал, что с такими людьми лучше дружить.

Приняв подношение, Нин Цзэ благодарно улыбнулся:

— Спасибо, старейшина. У меня как раз есть две Пилюли привлечения Ци, пусть они станут равноценным обменом за эти материалы.

Чжао Минчэн, приняв фарфоровый флакон, не смог скрыть изумления:

— Это... право, не стоит.

Он машинально пробормотал слова вежливости, но выпускать сокровище из рук старейшина не спешил. Пилюля Основания стояла около двадцати низкоранговых камней, в то время как Пилюля привлечения Ци ценилась выше семидесяти, и найти её на открытом рынке было почти невозможно. Чжао давно искал что-то подобное для своих внуков, но из-за нехватки средств и редкости товара был вынужден довольствоваться малым.

Пока они шли к выходу, Нин Цзэ лишь покачал головой:

— Я не могу принимать дары просто так.

С этими словами он мягко сжал ладонь Чжао Минчэна, незаметно протолкнув маленький нефритовый флакон с Пилюлей Основания прямо ему в рукав.

Старейшина посмотрел на Нин Цзэ и встретил его спокойный взгляд. Подросток лет тринадцати, с чистым взором и утонченными чертами лица, держался с удивительным достоинством. Чжао Минчэн на мгновение оцепенел, и за это время флакон скользнул в глубину его широкого рукава. Поняв, что дальнейшие возражения будут выглядеть как неуважение, он пришёл в себя:

— Что ж, тогда не стану скромничать.

Лишь после этого старейшина вспомнил о своём непутёвом ученике, застывшем рядом.

— Чжан Вэньху, чего стоишь?! А ну, извиняйся! — прикрикнул он.

Тот, подобно напуганному кролику, съёжился и пролепетал:

— Младший брат Нин, прошу прощения. Глупо вышло.

— Пустяки, — отмахнулся Нин Цзэ. — Только впредь, старший брат Чжан, будь осторожнее.

Чжан Вэньху утёр пот со лба, всё ещё содрогаясь от пережитого:

— Больше ни за что. Счастье ещё, что Верховный старейшина не стал карать строго. А ты, брат Нин, человек широкой души. Настоящий добряк. Если бы не твой знак, я бы точно наговорил лишнего и пропал.

Чжао Минчэн, видя, что ученик снова не следит за языком, не выдержал:

— Идиот!

[Задача выполнена: Наставление Чжан Вэньху на истинный путь. Текущие очки добра и зла: 89.]

— Всё в порядке, — усмехнулся Нин Цзэ, глядя на присмирившего здоровяка. — Старейшина Чжао, мне пора возвращаться, вдруг учителю что-то понадобится.

Распрощавшись, он мельком заглянул в свиток в своём сознании. За Чжан Вэньху, чей уровень культивации значительно превосходил его собственный, система выдала щедрую награду. После создания взрывных стрел у него оставалось всего 59 очков, теперь же, имея 89, он мог позволить себе создание новых артефактов.

Вернувшись в боковой зал, Нин Цзэ застал Мо Си за странным занятием: тот тщательно мыл руки.

В помещении царил полумрак, разгоняемый лишь холодным сиянием лунных камней. Этот свет падал на лицо Мо Си, делая его похожим на изваяние из тончайшего нефрита. Зажав в руке небольшой лоскут ткани, он с пугающей дотошностью протирал пальцы и ладонь — именно те места, которых коснулся Чэнь Яньцин. Наконец, он с явным отвращением бросил тряпку в таз с водой и, не оборачиваясь, спросил:

— Вернулся?

Всплеск воды прозвучал в пустом зале неожиданно громко. Нин Цзэ, уже догадываясь, о чём пойдёт речь, ответил с некоторой заминкой:

— Учитель, я и впрямь знаю Чэнь Яньцина.

— Вот как? И что дальше? — голос Мо Си был ровным.

Нин Цзэ всю дорогу репетировал признание, но сейчас слова словно застряли в горле. Он не знал, как учитель отреагирует на правду о его прошлой жизни и родстве с главой секты Чэнь. Да и сам он не был уверен, что готов увидеть эту реакцию.

Мо Си не стал настаивать. Он обернулся, и когда его взгляд упал на взволнованное лицо ученика, он прищурился, а его взор стал острым, как лезвие меча.

— Если не хочешь говорить — не нужно, — отрезал он, убирая руки за спину. — Идём со мной, я должен тебе кое-кого показать.

В его голосе слышалось спокойствие, но Нин Цзэ уловил в нём нотки затаённого гнева.

Они вернулись на Пик Цинхуа, миновали аптекарский огород и углубились в заднюю часть

горы. Нин Цзэ едва поспевал за учителем, почти срываясь на бег. Мо Си двигался стремительно, и даже используя всю доступную духовную энергию, он с трудом удерживался рядом. Казалось, учитель намеренно не замедлял шаг.

Мальчик понимал: Мо Си злится из-за его недомолвок. Но в то же время его озадачивало поведение наставника. Сначала тот приструнил Чжао Минчэна, теперь злится из-за Чэнь Яньцина... Это было совсем не похоже на привычного, холодного Мо Си. Если в случае с Чэнь Яньцином речь могла идти о безопасности секты Тяньсюань, то зачем было давить на Чжао?

Продравшись сквозь заросли, Мо Си наконец остановился. Перед ними петляла узкая тропинка, ведущая к небольшой бамбуковой роще. За последние два года Нин Цзэ часто видел, как учитель уходил сюда гулять, но никогда не замечал здесь других людей. Да и откуда им взяться на Пике Цинхуа?

Мо Си сделал пасс рукой, выплеснув поток силы. Бамбуковый лес перед ними мгновенно подернулся дымкой. Густая зелень словно растаяла, открывая взору скрытый доселе маленький домик.

Мо Си вошёл внутрь первым. Нин Цзэ, охваченный дурным предчувствием, последовал за ним. Он и не подозревал, что учитель скрывал здесь целое жилище!

Первое, что бросилось ему в глаза — аккуратная кровать из бамбука в центре комнаты. На ней лежала женщина в белых одеждах. Её окутывала плотная завеса изумрудной духовной энергии, скрывая лицо. Нин Цзэ почувствовал укол ревности: «Надо же, учитель прячет здесь женщину!» Однако, вглядываясь в очертания её фигуры, он ощутил странное, пугающее узнавание.

Мо Си действовал крайне осторожно. На полу комнаты был высечен сложный массив, по краям которого покоились четыре камня стихии дерева. Старейшина взмахнул рукавом, забирая камни. Без подпитки массив замер, и магический туман за считанные мгновения рассеялся.

В ту же секунду Нин Цзэ застыл, словно поражённый молнией. Он не верил своим глазам.

«Нет, этого не может быть... Как она здесь оказалась? Она же должна быть в Павильоне Люинь!»

Женщина на кровати была ослепительно красива: иссиня-чёрные волосы, изящный овал лица, тонкие, совершенные черты. Но её глаза были плотно закрыты, а кожа казалась белее её одежд. В ней не чувствовалось ни капли жизни.

Даже встреча с Чэнь Яньцином не потрясла Нин Цзэ так сильно. Перед смертью в прошлой жизни он крупно поспорил именно с ней.

Она была категорически против его похода в тайное царство, убеждая, что нельзя спешить, что лучше странствовать и искать просветления для перехода в стадию Трансформации Бога. Но Нин Цзэ, снедаемый тоской по Мо Си, пропустил её слова мимо ушей. Он даже боялся представить, какой удар нанесла ей весть о его гибели...

Заметив перемену в лице ученика, Мо Си утвердился в своих подозрениях, но не стал давить, давая Нин Цзэ время прийти в себя. Он вернул камни на место, и зелёная дымка вновь укрыла спящую.

Нин Цзэ вздрогнул. Его лицо всё ещё было маской ужаса, когда он повернулся к учителю:

— Учитель... кто это?

— Я спас её три года назад, — Мо Си старался говорить спокойно, хотя его самого терзало желание узнать, какая связь объединяет Нин Цзэ с этой женщиной и Чэнь Яньцином. — Мы были в добрых отношениях. Тогда она прислала тайную весть, предупреждая, что ей грозит беда. Я прибыл к указанному месту и обнаружил засаду. Мне удалось пробиться и забрать её, но она была тяжело ранена. С тех пор она так и не пришла в себя.

Сердце Нин Цзэ зашлось в бешеном ритме. Забыв о приличиях, он выкрикнул:

— Кто это сделал?!

И тут же осёкся. Три года назад? Но ведь три года назад он ещё был жив! Тогда она была в полном здравии и безопасности... Неужели учитель лжёт?

<http://bllate.org/book/17490/1714443>